

Francis Scott
FITZGERALD
1896 – 1940

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

***Новые мелодии
печальных оркестров***

Рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 66

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Сергея Сухарева

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Новые мелодии печальных оркестров : рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-05534-6

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов — из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть. Предлагаемая вашему вниманию книга призвана исправить это досадное упущение. Итак, представляем чертову дюжину то смешных, то грустных, но неизменно блестящих историй от признанного мастера тонкого психологизма. Перевод текстов выполнен такими мастерами, как Людмила Брилова и Сергей Сухарев, чьи переводы Кадзуо Исигуро и Рэя Брэдбери, Чарльза Паллисера и Джона Краули, Томаса де Квинси, Олдоса Хаксли и многих других уже стали классическими.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Л. Брилова, перевод, 2012
© С. Сухарев, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-05534-6

КОСТИ, КАСТЕТ И ГИТАРА

I

Часть Нью-Джерси находится под водой, а за прочими частями бдительно присматривают власти. Там и сям, однако, попадаются участки садов, усеянные старомодными каркасными домиками с просторными тенистыми верандами и красными качелями на лужайке. Не исключено, что на самой просторной и тенистой из веранд тихонько раскачивается на средне-викторианском ветру уцелевший со старых гамачных времен гамак.

Когда на подобную достопримечательность из прошлого века набредают туристы, они обыкновенно останавливают автомобиль, смотрят, а потом бормочут: «Что ж, понятно, этот дом состоит сплошь из коридоров, крыс в нем видимо-невидимо, а ванная комната всего одна, но какая же уютная тут атмосфера...»

Турист здесь не задерживается. Он продолжает путь к своей елизаветинской вилле из прессованного картона, к ранненорманнскому мясному рынку или к средневековой итальянской голубятне — потому что на дворе век двадцатый и викторианские дома вышли из моды вместе с романами миссис Хамфри Уорд. Туристу не виден с дороги гамак, но иногда в гамаке сидит девушка. Так было и в этот день. Девушка дремала в гамаке, не ведая, очевидно, о том, какое неэстетичное ее окружает зрелище: каменная статуя Дианы, к примеру, дурачки скалилась под солнцем на лужайке.

Во всей этой сцене наблюдалась какая-то неумеренная желтизна. Желтым было, например, солнце;

особо гадкой, обычной для гамаков желтизной выделялся гамак; желтизна рассыпанных по нему девичьих волос отличалась от него в куда лучшую сторону. Девушка спала, плотно сжав губы и положив под голову сцепленные ладони, — юным созданиям свойственна такая поза. Грудь ее вздымалась и опадала так же плавно, как ходила туда-сюда кромка гамака. Ее имя, Амантис, было таким же старомодным, как дом, в котором она жила. Досадно, но вынужден заметить, что исчерпал на этом все черты, сближавшие ее со средневикторианской эпохой.

Будь мой рассказ фильмом (надеюсь, со временем это осуществится), я снимал бы без усталы, пока можно; я приблизил бы камеру и снял сзади шею девушки, желтый пушок под границей волос, снял бы щеки и руки — теплый цвет ее кожи; мне ведь нравится воображать ее спящей, — наверное, и вы в юные дни спали точно так же. Затем я нанял бы человека по имени Израэль Глюкоза, чтобы он сочинил какую-нибудь дурацкую интермедию, потому что мне нужен переход к другой сцене, разыгравшейся дальше по дороге — где точно, неизвестно.

По дороге ехал автомобиль, в нем сидел южный джентльмен, сопровождаемый камердинером. Джентльмен, как водится, направлялся в Нью-Йорк, однако столкнулся с затруднением: верхняя часть его автомобиля несколько смещалась относительно нижней. Время от времени оба седока высаживались, поточнее прилаживали корпус к ходовой части и после этого, подрагивая невольно в унисон с вибрацией мотора, двигались дальше. Имей машина заднюю дверцу, ее можно было бы отнести к самой заре автомобилестроения. Покрытая пылью восьми штатов, она была украшена спереди внушительным, однако не работающим таксометром, а сзади — многочисленными флажками с надписью: «Тарлтон, Джорджия». Когда-то давно кто-то начал красить капот в желтый цвет,

но, к несчастью, был отозван, успев довести работу только до половины.

Когда джентльмен с камердинером проезжали мимо дома, где спала в гамаке Амантис, с автомобилем случилась оказия: корпус упал на дорогу. Единственным оправданием моему столь внезапному сообщению служит то, что произошло это и в самом деле совершенно внезапно. После того как затих шум и рассеялась пыль, господин со слугой поднялись на ноги и стали осматривать обе разъединившиеся половины.

— Гляди-ка, — произнес раздосадованный джентльмен, — эта чертова кукла развалилась окончательно.

— На две половины, — согласился камердинер.

— Хьюго, — сказал джентльмен, немного подумав, — нам нужны молоток и гвозди, чтобы заново их склотить.

Господин со слугой оглядели викторианский домик. По обе его стороны простирались к слегка беспорядочному, пустынному горизонту слегка беспорядочные поля. Выбора не было, чернокожий Хьюго открыл калитку и вслед за господином двинулся по гравиевой дорожке, едва достаивая пресыщенным, как подобает бывалому путешественнику, взглядом красные качели и каменную статую Дианы, которая обращала к ним источенное непогодой лицо.

В тот самый миг, когда оба приблизились к веранде, Амантис проснулась, рывком села и оглядела гостей.

Джентльмен был молод, лет двадцати четырех, звали его Джим Пауэлл. Одет он был в готовый тесный костюм, пропыленный и, как можно было подумать, способный в любую минуту улететь, отчего и пристегивался к нижней одежде рядом из полудюжины нелепых пуговиц.

Избыточное количество пуговиц украшало также и рукава пиджака; Амантис не могла не посмотреть

на боковые швы брюк: нет ли пуговиц и там. Зеленую шляпу украшало перо какой-то унылой птицы, трепетавшее на теплом ветру.

Гость согнулся в церемонном поклоне и одновременно обмахнул шляпой свои пыльные коленки. При этом он улыбнулся, прикрывая выпцветшие голубые глазки и показывая белые ровные зубы.

— Добрый вечер, — произнес он с отчаянным акцентом, характерным для обитателей Джорджии. — У меня сломался автомобиль прямо перед вашей калиткой. Вот я и решил узнать, нельзя ли одолжить у вас молоток и гвозди. Мне ненадолго.

Амантис рассмеялась. Она смеялась и не могла остановиться. Мистер Джим Пауэлл смеялся тоже — из вежливости и солидарности. Его камердинер, мучительно озабоченный собственным цветным взрослением, единственный сохранял важную серьезность.

— Мне, наверное, лучше представиться, — сказал посетитель. — Я Пауэлл. Живу в Тарлтоне, Джорджия. Этот черномазый — мой мальчишка Хьюго.

— Ваш сын? — Девушка, совсем растерявшись, переводила взгляд то на одного, то на другого.

— Нет, он мой камердинер — вы ведь так, наверное, выражаетесь? Мы у себя привыкли кликать негров мальчишками.

При упоминании прекрасных обычаев своей родины Хьюго заложил руки за спину и хмуро и надменно уставился себе под ноги.

— Ага, — пробормотал он, — камердинер я и есть.

— А куда вы ехали? — осведомилась Амантис.

— На Север, провести там лето.

— Куда именно?

Турист небрежно взмахнул рукой, словно бы охватывая этим жестом Адирондакский парк, Тысячу Островов, Ньюпорт, но сказал только:

— Попытаем Нью-Йорк.

— Вы там раньше бывали?

— Никогда. А вот в Атланте был тысячу раз. Да и в этой поездке мы в каких только не побывали городах. Господи боже!

Он присвистнул, имея в виду бесконечные красоты проделанного ими путешествия.

— Послушайте, — сказала Амантис озабоченно, — вам необходимо поест. Скажите вашему... вашему камердинеру, пусть пойдет к задней двери и попросит кухарку прислать нам сандвичей и лимонада. Или, может, вы не пьете лимонад? Сейчас его мало кто любит.

Мистер Пауэлл крутанул пальцем, направляя Хьюго, куда было указано. Потом робко уселся в кресло-качалку и принялся чинно обмахиваться перьями своей шляпы.

— Вы, право слово, очень любезны, — сказал он Амантис. — А на случай, если мне захочется чего покрепче лимонада, у меня припасена в машине бутылочка старого доброго виски. Я ее взял с собой, а то вдруг здешний виски мне совсем в горло не полезет.

— Слушайте, — сказала девушка, — а ведь моя фамилия тоже Пауэлл. Амантис Пауэлл.

— Да что вы говорите? — Джим Пауэлл разразился восторженным смехом. — Может, мы с вами родня. Я происхожу из очень хорошей семьи. Правда, бедной. Но в этом году мне привалила удача, вот я и решил провести лето где-нибудь на Севере.

Тут на веранду вышел Хьюго и подал голос:

— Белая леди за задней дверью спросила, не хочу ли я тоже перекусить. Что ей ответить?

— Ответь: с удовольствием, мэм, раз уж вы так добры, — наставил его господин. Когда Хьюго ушел, он поделился с Амантис: — Голова у мальчишки совсем пустая. Шагу не хочет сделать без моего разрешения. Я его воспитал, — добавил он не без гордости.

Когда прибыли сандвичи, мистер Пауэлл встал. Он не привык общаться с белыми слугами и, очевидно, ждал, что их познакомят.

— Вы замужняя дама? — спросил он Амантис, когда служанка ушла.

— Нет, — ответила она и добавила, поскольку в свои восемнадцать могла себе это позволить: — Я старая дева.

Джим Пауэлл снова засмеялся из вежливости.

— Вы хотите сказать, вы светская барышня?

Амантис помотала головой. Мистер Пауэлл заметил сугубую желтизну ее желтых волос и был восторженно поражен.

— Разве, судя по этим замшелым владениям, скажешь такое? — жизнерадостно отозвалась она. — Нет, я самая что ни на есть деревенская барышня. В жёнихи мне годятся фермеры или вот многообещающий молодой парикмахер из соседней деревни с остатками волос на рукаве — состриг недавно с чьей-то головы.

— Вашему папе не следовало бы отпускать вас гулять с деревенским парикмахером, — осуждающе заметил турист. Задумался. — Вам обязательно надо быть светской барышней.

Джим принялся выбивать ногой ритм по настилу веранды, и скоро Амантис обнаружила, что невольно к нему присоединилась.

— Стоп! — скомандовала она. — А то вы и меня заставляете.

Джим опустил взгляд на свою ногу.

— Простите, — смиренно проговорил он. — Не знаю... у меня просто привычка такая.

Оживленному разговору положил конец Хьюго, появившийся на ступеньках с молотком и гвоздями.

Мистер Пауэлл неохотно встал и посмотрел на часы.

— Черт, нам пора. — Он нахмурился. — Послушайте. Вы хотите быть нью-йоркской светской барышней, ходить по всяким балам и прочее, о чем пишут в книгах, — как там купаются в золоте?

Амантис подняла глаза и с улыбкой кивнула. Кое-как она выбралась из гамака, и оба бок о бок пошагали к дороге.

— Тогда я посмотрю, что можно сделать, и дам вам знать, — упорствовал Джим. — Хорошенькой девушке вроде вас без общества никуда. Ведь может статься, мы с вами родственники, а нам, Пауэллам, надо держаться вместе.

— Чем вы собираетесь заниматься в Нью-Йорке?

Они уже подходили к калитке, и турист указал на плачевные остатки своего автомобиля.

— Водить таксомотор. Этот самый. Только он все время разваливается на части.

— И вы рассчитываете на *этом* зарабатывать в Нью-Йорке?

Джим опасливо на нее покосился. Нужно бы ей сдерживать себя, ну что за привычка для хорошенькой девушки — трястись всем телом по самому пустому поводу.

— Да, мэм, — ответил он с достоинством.

Амантис смотрела, как господин со слугой водружили верхнюю половину автомобиля на нижнюю и, яростно орудуя молотком, скрепили их гвоздями. Потом мистер Пауэлл взялся за руль, камердинер забрался на соседнее сиденье.

— Премного обязан вам за гостеприимство. Пожалуйста, заверьте в моем почтении вашего батюшку.

— Непременно, — заверила его Амантис. — Известите меня, когда будете возвращаться, если вам не доставит неудобства общество парикмахера.

Мистер Пауэлл взмахом руки отмел в сторону эту неприятную мысль.

— Вашему обществу я в любом случае буду рад. — Как бы надеясь, что под шум мотора его прощальные слова прозвучат не так дерзко, он тронулся с места. — Из всех девушек, которых я здесь, на Севере, видал, вы самая красивая — другие вам и в подметки не годятся.

Мотор взвыл и задребезжал — мистер Пауэлл из южной Джорджии на собственном автомобиле, с собственным камердинером, с собственными устремлениями и в собственном облаке пыли продолжил путь на север, чтобы провести там лето.

II

Амантис думала, что больше его не увидит. Стройная и прекрасная, она возвратилась в гамак, чуть открыла левый глаз навстречу июню, потом закрыла и с удовольствием заснула опять.

Но однажды, когда по шатким боковинам красных качелей уже успели вскарабкаться выросшие за лето стебли, мистер Джим Пауэлл из Тарлтона, штат Джорджия, вернулся, тарахтя, в ее жизнь. Как в прошлый раз, они уселись на широкой веранде.

— У меня возник грандиозный план, — сказал Джим.

— Вы, как собирались, крутили баранку?

— Да, мэм, но бизнес не пошел. Я пробовал дежурить перед всеми отелями и театрами, но пассажиров не дождался.

— Ни одного?

— Ну, как-то вечером сели несколько пьяных, но, едва я двинулся с места, автомобиль развалился на части. Следующим вечером дождало, других такси не было, и ко мне села леди: а то, говорит, уж очень далеко ей пешком добираться. Но на полпути она приказала мне остановиться и вышла. Так и побрела под дождем — с ума, что ли, сошла. Больно спесивый народ там, в Нью-Йорке.

— И вот вы отправились домой? — В голосе Амантис слышалось сочувствие.

— Нет, мэм. У меня родилась идея. — Голубые глаза Джима посмотрели пристальней. — Этот ваш парикмахер, с волосами на рукавах, у вас появлялся?

— Нет. Он... больше не приходит.

— Ну тогда я первым делом хотел бы оставить у вас свой автомобиль. У него цвет не тот для такси. В уплату за хранение можете ездить на нем, сколько вам угодно. Ничего такого с ним не должно случиться, не забывайте только брать с собой молоток и гвозди...

— Я о нем позабочусь, — перебила его Амантис, — но вы-то куда собрались?

— В Саутгемптон. Там, наверное, самое шикарное место из тех, что поблизости, туда я и собрался.

Амантис привстала от изумления.

— И что вы будете там делать?

— Слушайте. — Джим доверительно склонился к Амантис. — Вы всерьез хотели сделаться нью-йоркской светской барышней?

— Еще как.

— Это все, что мне нужно было знать, — с таинственным видом отозвался он. — Вы просто ждите здесь, на этой веранде, пару недель и... и спите себе. А если будут наведываться какие-нибудь парикмахеры с волосами на рукавах, гоните их. Говорите, спать хочется.

— А потом?

— Потом я пришлю вам весточку, — твердо уверил Джим. — Общество! Не пройдет и месяца, и я обеспечу вам столько общества, сколько вы за всю свою жизнь не видели.

К этому Джим не захотел ничего добавить. Держался он так, что можно было подумать: он доставит Амантис к морю веселья и станет окунать туда со словами: «Как, мэм, вам достаточно весело? А не подбавить ли, мэм, развлечений?»

— Что ж, — протянула Амантис в ленивом раздумье, — проспав июль, а за ним и август — удовольствие, с которым мало что сравнится, но, если вы вызовете меня письмом, я, так и быть, приеду в Саутгемптон.

Через три дня в дверь громадного и поразительного особняка Мэдисон-Харлан в Саутгемптоне позвонил молодой человек с желтым пером на шляпе. У дворецкого он осведомился, есть ли в доме молодые люди в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Ему ответили, что этому описанию соответствуют мисс Женестьева Харлан и мистер Рональд Харлан, вслед за чем гость протянул дворецкому очень необычную карточку и на характерном джорджианском диалекте попросил ознакомить с ней упомянутых особ.

В результате он целый час беседовал наедине с мистером Рональдом Харланом (учащимся школы Хилл-кисс) и мисс Женестьевой Харлан (весьма заметной посетительницей саутгемптонских балов). Когда он покидал особняк, в руке у него была записка, в которой узнавался почерк мисс Харлан; явившись в следующее имение, молодой человек присоединил эту записку к своей необычной карточке. Имение принадлежало семейству Клифтон-Гарно. Как по волшебству, здесь тоже он получил часовую аудиенцию.

Он шагал дальше; стояла жара, мужчинам в публичном месте полагалось париться в пиджаках, но Джим, житель самого юга Джорджии, в конце своего путешествия был так же свеж и бодр, как в начале. Он посетил в тот день десять домов. Любой, кто проследил бы его маршрут, принял бы его за весьма способного бутлегера.

Просьба повидаться именно с подрастающим поколением звучала настолько непривычно, что даже самые ушлые и суровые дворецкие теряли бдительность. Внимательный наблюдатель заметил бы, что всякий раз Джима сопровождали к выходу зачарованные взгляды и взволнованный шепот, намекавший на то, что эта встреча не последняя.

На второй день Джим посетил двенадцать домов. Он мог бы еще неделю продолжать обход, не повидав вторично ни одного из дворецких, но его интересовали только богатые, роскошные дома.

На третий день Джим сделал то, что в свое время предлагалось многим, но сделали это очень немногие: он арендовал зал. Ровно через неделю он послал мисс Амантис Пауэлл телеграмму, где было сказано, что, если она по-прежнему жаждет принять участие в увеселениях высшего света, ей нужно первым же поездом отправиться в Саутгемптон. Джим обещал встретить ее на станции.

Джим уже не располагал неограниченным досугом, поэтому, когда Амантис не появилась в указанное ею самой в телеграмме время, он встревожился. Предположив, что она прибудет следующим поездом, он повернул назад, чтобы заняться снова своим планом, — и наткнулся на Амантис, которая входила на станцию с улицы.

— Как вы здесь...

— Я решила приехать пораньше — утром, и, чтобы вас не беспокоить, успела найти для себя respectable пансион на Оушен-роуд.

Джиму подумалось, что она ничуть не похожа на ленивую Амантис из гамака на веранде. На ней были голубой, как яйца малиновки, костюм и заборная молодежная шляпка со скрученным пером — юные леди от шестнадцати до двадцати, которыми в последнее время было поглощено внимание Джима, одевались, можно сказать, почти так же. Отлично, то, что нужно.

С глубоким поклоном Джим посадил Амантис в такси и сам сел рядом.

— Теперь, наверное, пора рассказать мне, что вы задумали?

— План касается здешних светских девиц. — Он небрежно махнул рукой. — Они все мне знакомы.

— И где они?

— В эту самую минуту они с Хьюго. Вы ведь помните... он мой камердинер.

— С Хьюго? — Амантис широко раскрыла глаза. — Как так? Что вы такое устроили?

— Ну, я... я, наверное, открыл школу — вы бы так это назвали.

— Школу?

— Вроде академии. Во главе — я. Я ее изобрел.

Резким движением, словно сбивал термометр, он вытряхнул из бумажника карточку.

— Смотрите.

Амантис взяла карточку. На ней была надпись крупными буквами:

ДЖЕЙМС ПАУЭЛЛ; Дж. М.

«Кости, Кастет и Гитара»

Амантис еще шире открыла глаза.

— Кости, Кастет и Гитара? — повторила она испуганно-почтительно.

— Да, мэм.

— Что это значит? Вы собрались торговать?

— Нет, мэм, я собрался обучать. Профессиональным навыкам.

— Кости, Кастет и Гитара? А Дж. М. что такое?

— Это значит джаз-мастер.

— Но что вы затеваете? Как это будет выглядеть?

— Приблизительно штука вот в чем. Однажды вечером в Нью-Йорке я разговорился с поддатым молодым парнишкой. Моим пассажиром. Он куда-то повел одну девушку из светского общества и потерял ее.

— Потерял?

— Да, мэм. Наверное, забыл о ней. И он ужасно беспокоился. Тут мне пришла мысль, что эти нынешние девушки из общества... Они ведут довольно опасную жизнь, а мой курс обучения поможет им себя защитить.

— Вы научите их пользоваться кастетом?

— Да, мэм, в случае надобности. Смотрите: возьмем девицу, которая идет в кафе — такое, куда бы ходить не следовало. Ее спутник перебрал немного и стал клевать носом. Тем временем к ней подкатывается какой-то другой тип: «Привет, милашка» — и все про-

чье, что можно услышать от таких приставал. И что ей делать? Кричать она не может: нынче у настоящих леди это не принято. И вот она сует руку в карман, продевает пальцы в защитный кастет Пауэлла, дебютантского размера, исполняет то, что я называю Светским Хуком, — бац! и верзила разбит наголову.

— Хорошо... а к чему тут гитара? — едва выдохнула Амантис. — Ею тоже нужно будет кого-нибудь огреть?

— Нет, мэм! — ужаснулся Джим. — Нет, мэм. Я не собираюсь учить леди использовать гитару как оружие. Я их учу играть. Да вы их только послушайте! Я дал им всего два урока, а некоторые играют, что твои чернокожие.

— А кости?

— Кости? Да я с ними на «ты». Они для меня как отцы родные. Я покажу ученикам, как устраивать всякие трюки. Целее будут и кошельки, и они сами.

— У вас... у вас уже есть ученики?

— Мэм, ко мне записались лучшие, самые богатые люди в городе. То, о чем я рассказал, еще не все. Я обучаю всяким разностям. Таким как «будлинбэнд»... и «миссисипи санрайз». Одна девушка пришла и сказала: хочу научиться щелкать пальцами. То есть в самом деле щелкать... как люди щелкают. Говорит, с детства стараюсь и не получается. Я дал ей два урока, и — триумф! Ее папаша говорит, в доме стало невозможно жить.

— Когда проходят уроки? — слабым голосом спросила потрясенная Амантис.

— Три раза в неделю. Вы будете одной из учениц. Я сказал, что вы из Нью-Джерси, из очень благородной семьи. Сказал, ваш батюшка — держатель патента на кусковой сахар.

Амантис ахнула.

— Так что делать ничего не нужно, разве только притворяться, что никогда никаких парикмахеров и в глаза не видели.

Тем временем показалась южная оконечность деревни, и Амантис увидела ряд автомобилей, припаркованных перед двухэтажным зданием. Все они были низкие, длинные, обтекаемой формы и ярких цветов. Потом Амантис поднималась по узкой лестнице на второй этаж. На двери, за которой звучали музыка и голоса, было написано краской:

ДЖЕЙМС ПАУЭЛЛ; Дж. М.

«Кости, Кастет и Гитара»

Пн. — Ср. — Пт.

3—5 пополудни

— Прошу пожаловать сюда. — Директор школы распахнул дверь.

Амантис очутилась в длинной, ярко освещенной комнате, где толпились девушки и юноши примерно ее возраста. Вначале она усмотрела в происходящем сходство с дневным чаепитием, сопровождающимся оживленной беседой, но вскоре, судя по отдельным сценкам, начала прозревать логику событий.

Ученики были разбиты на группы, одни сидели, другие стояли на коленях или в полный рост, но все были с головой погружены в увлекшие их занятия. Полдюжины юных леди, собравшиеся кружком (вокруг чего — видно не было), непрерывно галдели; их голоса — жалобные, молящие, заклинающие, плаксивые — звучали теноровой партией, фоном которой служил непонятный приглушенный стук.

По соседству собрались четверо молодых людей, в центре этой группы находился чернокожий юнец, оказавшийся не кем иным, как недавним камердинером мистера Пауэлла. Он бросал вроде бы не связанные между собой фразы, а молодые люди шумно откликались, выражая самую широкую гамму чувств. Их голоса то повышались почти до крика, то стихали,

делаясь мягкими и расслабленными. Хьюго в ответ одобрял, поправлял, критиковал.

— Что они делают? — шепнула Амантис.

— Это занятия по южному выговору. Множество здешних молодых людей мечтают овладеть южным выговором, вот мы их и учим... Джорджия, Флорида, Алабама, Восточный берег, старая Виргиния. Есть и такие, кому нужен самый настоящий негритянский язык — для песен.

Амантис с Джимом побродили от группы к группе. Несколько девушек с кастетами из металла яростно атаковали две боксерские груши, на которых были намалеваны ухмыляющиеся физиономии «приставал». Смешанная компания под аккомпанемент банджо извлекала благозвучные тоны из своих гитар. В одном углу танцевали несколько босоногих пар; их сопровождала патефонная запись Саваннского оркестра Растуса Малдуна.

— А теперь, мисс Пауэлл, если вы готовы, я попрошу вас снять шляпку и вместе с мисс Женеьевой Харлан поработать над ударами — там, в углу, где боксерская груша. — Джим повысил голос. — Эй, Хьюго, у нас новая студентка. Обеспечь ее парой защитных кастетов Пауэлла, дебютантского размера.

III

С сожалением должен признаться, что мне не довелось ни самому наблюдать занятия в знаменитой Школе джаза, ни изучать под руководством мистера Пауэлла таинства Костей, Кастета и Гитары. Могу сообщить вам только то, что слышал позднее от одного из его восторженных учеников. При всех последовавших обсуждениях никто не оспаривал огромного успеха занятий, и ни один ученик, получивший диплом бакалавра джаза, не пожалел о затраченных усилиях.

— Если секрет раньше времени не раскроется, — поведал Джим, обращаясь к Амантис, — у нас побывает оркестр Растуса Малдуна из Саванны. Я всегда мечтал им подирижировать.

Джим делал деньги. Чрезмерно он не роскошествовал (больших средств у его студентов не водилось), однако ж из пансиона переехал в Казино-отель, где нанял апартаменты и распорядился, чтобы Хьюго приносил ему завтрак в постель.

Внедрить Амантис в ряды золотой молодежи Саутгемптона оказалось проще, чем Джим ожидал. Через неделю все учащиеся уже звали ее по имени. Джим виделся с нею реже, чем ему хотелось. Нельзя сказать, что Амантис к нему переменялась: она часто прогуливалась с ним по утрам, охотно слушала, когда он рассказывал о своих планах, но с тех пор, как она приобщилась к светской жизни, о встречах с нею по вечерам нечего было и думать. Несколько раз Джим, явившись в пансион, заставлял Амантис запыхавшейся, словно бы после пробежки. Было件нятно, что она только-только явилась с какого-то светского события, в котором Джим не принимал участия.

Когда лето пошло на убыль, Джим задумался о том, что для полного триумфа его предприятия кое-чего не хватает. По отношению к Амантис Саутгемптон повел себя гостеприимно, однако для него, Джима, двери местных домов остались закрытыми. С трех до пяти его ученики бывали с ним любезны, более того — ловили каждое его слово и движение, однако затем удалялись в другой мир.

Джим оказался в положении гольфиста-профессионала: на поле с ним по-братски общаются, его слушаются, но с закатом солнца его привилегиям наступает конец. Ему можно заглядывать в окна клуба, но танцевать нельзя. Вот и Джим был лишен возможности наблюдать, как его ученики пользуются усвоенными от него навыками. Лишь на следующее утро до него долетали обрывки сплетен — и больше ничего.

Но меж тем как английский гольфист-профессионал, не равняясь с патронами, сохраняет собственную гордость, Джим Пауэлл, происходивший из «по-настоящему хорошей — но, правда, бедной» семьи, часами лежал без сна на своей гостиничной постели, слушал музыку, долетавшую сюда из Кацбис-хауса или Бич-клуба, ворочался и не мог понять, в чем же дело. На заре своего успеха он приобрел себе парадный костюм и думал, что случай его надеть подвернется со дня на день, но костюм так и лежал нетронутый в коробке, в которой его доставили от портного. Быть может, думал Джим, существует какая-то реальная пропасть, отделяющая его от остальных. Это его беспокоило.

На конец сентября был назначен бал у Харланов, которому предстояло стать для местной молодежи последним и главным событием сезона. Академия Джима должна была закрыться днем ранее ввиду массового перехода учеников в другие, обычные школы. Джима, как всегда, на бал не пригласили. Меж тем он надеялся, что приглашение поступит. Оба юных Харлана, Рональд и Женестьева, первыми оказали ему покровительство, когда он прибыл в Саутгемптон, а кроме того, Женестьева души не чаяла в Амантис. Побывать на их балу — самом роскошном из всех — значило увенчать и узаконить успех, достигнутый к исходу лета.

Его ученики, собравшись на дневные занятия, громко обсуждали завтрашнее увеселение, и, когда пришло время закрываться, Джим облегченно вздохнул. — Прощайте, — сказал он им.

Ему было тоскливо — и оттого что его идея исчерпала себя, и оттого что никто не был опечален. Снаружи фыркали моторы — громко, с отключенными глушителями; в этих звуках, победно разрывавших теплый сентябрьский воздух, чудилось ликование... торжество юности и надежд, достигающих до самых небес.

Ученики разошлись, Джим с Хьюго остались одни. Джим вдруг сел и спрятал лицо в ладони.

— Хьюго, — хрипло проговорил он, — мы здесь больше не нужны.

— Не расстраивайся, — произнес чей-то голос.

Джим поднял глаза: рядом с ним стояла Амантис.

— Тебе лучше тоже уйти, — сказал он.

— Почему?

— Потому что тебя теперь приняли в общество, а я для этой публики что-то вроде услуги. Я внедрил тебя — дело сделано. Тебе лучше уйти, а то они перестанут приглашать тебя на свои балы.

— И так не приглашают, Джим, — тихонько проговорила она. — На завтрашний вечер меня не позвали.

Джим возмущенно поднял брови:

— Не позвали?

Амантис покачала головой.

— Так я их *заставлю!* — вскипел Джим. — Скажу, что они должны. Да я... Я...

Амантис подошла ближе, глаза ее блестели.

— Не думай о них, Джим. Не думай, и все. Зачем они нам сдались? Завтра устроим нашу собственную вечеринку — на двоих.

— Я происхожу из очень хорошей семьи, — не успокаивался Джим. — Только бедной.

Амантис погладила его по плечу.

— Я понимаю. Ты милый, никто из них тебе и в подметки не годится.

Джим встал, подошел к окну и грустно уставился на вечеряющее небо.

— Наверное, зря я тебя стронул с места. Спала бы себе дальше в своем гамаке.

Амантис рассмеялась.

— Ничуть не зря. Я очень даже рада.

Джим обернулся и оглядел комнату, на его лице лежала тень.

— Подмети, Хьюго, и запри двери. — Голос его дрожал. — Лето кончилось, нам пора домой.

Осень наступила рано. Проснувшись на следующее утро, Джим Пауэлл обнаружил, что комната остыла, и мысль о дохнувшем морозом сентябре на время вытеснила из памяти вчерашний день. Но затем лицо Джима горестно вытянулось: ему вспомнилось унижение, из-за которого потускнело, утратило радостный глянец все это лето. И ничего другого ему не оставалось, как только вернуться восвояси, в родные места.

После завтрака он немного пришел в себя и вновь сделался беспечен. Джим был дитя Юга, не расположенное к мрачной задумчивости. Обиду он мог вызывать в памяти один раз, другой, а потом она расплывалась в необъятной пустоте прошлого.

Но когда сила привычки привела Джима к дверям его отжившего свой век заведения, ему снова сделалось грустно. Хьюго был там, погруженный в хандру и похожий на сумрачного фантома.

В другие дни хватало нескольких слов Джима, чтобы вызвать у Хьюго несказанный восторг, однако сейчас говорить было не о чем. Два месяца Хьюго существовал на вершине, о какой никогда и не мечтал. Он попросту, от всей души наслаждался своей работой, приходил в школу задолго до начала занятий, а уходил много позднее последнего из учеников мистера Пауэлла.

День клонился к не слишком многообещающему вечеру. Амантис не появлялась, и Джим тревожно спрашивал себя, не раздумала ли она насчет сегодняшнего совместного обеда. Может, лучше ей не показываться в его компании. Впрочем, уныло напомнил он себе, чужих глаз опасаться не приходится: все будут на большом балу в доме Харланов.

Когда сумеречные тени в зале совсем уж сгустились, Джим в последний раз запер дверь, снял с нее табличку «Джеймс Пауэлл, Дж. М. „Кости, Кастет

и Гитара“» и вернулся в отель. Просматривая неразборчиво накаляканные счета, он обнаружил, что нужно оплатить еще месяц аренды зала, разбитые стекла и кое-какое новое оборудование, которым он едва успел попользоваться. Джим жил на широкую ногу, и теперь стало ясно, что в финансовом отношении прошедшее лето ничего существенного ему не принесло.

Покончив со счетами, он вынул из коробки новый парадный костюм, осмотрел его, провел пальцами по атласу лацканов и подкладки. Во всяком случае, костюм он себе приобрел, и не исключено, что в Тарлтоне сможет надеть его на вечеринку, куда получит приглашение.

— Да о чем тут говорить! — фыркнул он. — Грош ей цена, всей этой академии. Дома у гаража встретишь таких парней, что куда там всем здешним.

Насвистывая в довольно бодром ритме «Джинн из городка Джеллибинов», Джим облачился в свой первый парадный костюм и отправился в город.

— Орхидеи, — сказал он продавцу.

На свою покупку он смотрел не без гордости. Джим знал, что ни одна девица на балу у Харланов не наденет лучшего украшения, чем эти экзотические цветы, томно откинувшиеся на подушку из зеленых папоротников.

На такси (он тщательно выбрал такое, что походило на личный автомобиль) Джим подкатил к пансиону, где жила Амантис. Она спустилась вниз в вечернем платье розового цвета, слившегося с орхидеями в гамму нежных полутонов, похожую на закатное небо.

— Думаю, мы можем поехать в Казино-отель, — предложил Джим. — Или ты хочешь в какое-то другое место?

За столиком с видом на темный океан настроение Джима переменялось на довольство и приятную печаль. Окна по случаю холодов были закрыты, но оркестр играл «Совсем один» и «Чай на двоих», и, сидя

за столиком с живым воплощением юности и красоты, он ненадолго ощутил себя романтическим участником творившихся вокруг событий. Они не танцевали, и Джим был рад: иначе пришлось бы вспомнить о другом, более пышном и блестящем танцевальном вечере, куда им путь заказан.

После обеда они сели на такси и час катались по песчаным дорогам, вдоль которых мелькал за деревьями уже зажегшийся звездами океан.

— Я хочу тебя поблагодарить, Джим, — проговорила Амантис, — за все, что ты для меня сделал.

— Пустяки. Нам, Пауэллам, надо держаться вместе.

— Что ты собираешься делать?

— Завтра отправляюсь в Тарлтон.

— Очень жаль, — сказала она ласково. — Поедешь на своей машине?

— Придется. Нужно перегнать ее на Юг, не продавать же за гроши. Ты боишься, что ее угнали из вашего сарая? — внезапно встревожился Джим.

Амантис постаралась скрыть улыбку.

— Нет.

— Мне жаль, что так получилось... с тобой, — хрипло продолжил он, — и... и мне хотелось хотя бы раз сходить к ним на танцы. Зря ты вчера со мной осталась. Может, оттого они тебя и не пригласили.

— Джим, — попросила она, — давай постоим у них под окнами и послушаем шикарную музыку. Бог с ним со всем.

— Они выйдут и нас увидят.

— Не выйдут, слишком холодно.

Амантис дала распоряжение таксисту, и вскоре автомобиль остановился перед красивой георгианской громадой Мэдисон-Харлан-Хауса, из окон которого падали на лужайку яркие отсветы царившего там веселья. Внутри звучал смех, выводил жалобную мелодию модный духовой оркестр, неспешно и таинственно шаркали подошвы танцующих.

— Подойдем поближе, — восторженным шепотом взмолилась Амантис. — Я хочу послушать.

Они пошли к дому, держась в тени развесистых деревьев. Джим настороженно притих. Внезапно он замер и схватил Амантис за руку.

— Боже! — волнуясь, приглушенно вскрикнул он. — Знаешь, что это?

— Ночной сторож? — Амантис испуганно огляделась.

— Это оркестр Растуса Малдуна из Саванны! Я слышал его однажды, и я узнаю. Это оркестр Растуса Малдуна!

Приблизившись, они рассмотрели верхушки причесок «помпадур», потом прилизанные головы мужчин, взбитые волосы дам и даже короткие женские стрижки под черными головными повязками. На фоне непрерывного смеха начали различаться голоса. На веранду вышли двое, быстро сделали по глотку из фляжек и вернулись в дом. Но Джим Пауэлл был околдован музыкой. Он глядел неподвижными глазами и переставлял ноги неуверенно, как слепой.

В тесном уголке за темным кустом они с Амантис слушали. Номер подошел к концу. С океана повеял холодный бриз, Джима пробрала легкая дрожь. Он взволнованно шепнул:

— Я всегда мечтал подирижировать этим оркестром. Один только раз. — Он сник. — Пошли. Пойдем отсюда. Мне, пожалуй, здесь не место.

Джим протянул Амантис руку, но та ее не взяла. Внезапно она вышла из-за кустов и ступила в яркое пятно света.

— Пошли, Джим, — с неожиданной уверенностью позвала Амантис. — Пойдем в дом.

— Как это?

Амантис схватила Джима за руку. Онемевший от ужаса из-за ее дерзости, он отшатнулся, но Амантис упорно тянула его к широкой парадной двери.

— Осторожно! — выдохнул он. — Сейчас кто-нибудь выйдет и нас увидит.

— Нет, Джим, — возразила она твердо, — никто сейчас не выйдет. Сейчас двое войдут.

— Как? — растерянно спросил он, ярко освещенный фонарями под навесом крыльца. — Как?

— Как-как? — передразнила его Амантис. — А так, что этот бал устроен специально в мою честь.

Джим подумал, что она тронулась умом.

— Пошли домой, пока нас не увидели, — взмолился он.

Широкие двери распахнулись, на веранду вышел какой-то господин. Джим с ужасом узнал мистера Мэдисона Харлана. Джим дернулся, словно хотел вырваться и убежать. Но мистер Харлан сошел со ступенек, протягивая Амантис обе руки.

— Ну наконец-то! — воскликнул он. — Где вы оба пропадали? Наша Амантис... — Поцеловав Амантис, он с сердечной улыбкой повернулся к Джиму. — Что до вас, мистер Пауэлл, то в качестве штрафа за опоздание обещайте подирижировать оркестром — один только номер.

IV

В Нью-Джерси стояла теплынь — за исключением той его части, что находится под водой, но она заботит разве что рыб. Все туристы, проезжавшие по бесконечным зеленым просторам, останавливали машины перед протяженным загородным домом старомодной архитектуры, любовались красными качелями на лужайке, широкой тенистой верандой, вздыхали и снова трогались в дорогу, разве что виляли чуть-чуть в сторону от угольно-черного камердинера, возившегося на дороге. Камердинер, с молотком и гвоздями, трудился над старой развалюхой с гордой надписью на корме: «Тарлтон, Джорджия».

В гамаке лежала девушка с желтыми волосами и нежным румянцем, готовая, похоже, вот-вот заснуть. Рядом сидел джентльмен в необычно тесном костюме. За день до этого они вместе прибыли с модного курорта в Саутгемптоне.

— Когда ты впервые появился, — объясняла девушка, — я думала, что вижу тебя в первый и последний раз, а потому сплела басню про парикмахера и все прочее. Собственно, мне уже довелось побывать немного в свете — с кастетом или без него. И этой осенью мне тоже предстоит выезжать.

— Вижу, мне еще многое нужно узнать, — сказал Джим.

— И знаешь, — продолжала Амантис, глядя на него не без тревоги, — я была приглашена в Саутгемптон к моим родственникам, а когда ты сказал, что тоже туда собираешься, мне захотелось посмотреть, что у тебя получится. Ночевала я всегда у Харланов, но, чтобы ты не узнал, снимала комнату в пансионате. А не тем поездом я приехала потому, что мне нужно было время — повидать массу знакомых и предупредить, чтобы они делали вид, будто со мной не знакомы.

Понимающе кивая, Джим встал.

— Думаю, нам с Хьюго пора двигаться. За вечер нужно бы добраться до Балтимора.

— Дорога неблизкая.

— Хочу сегодня заночевать на Юге.

Вместе они пошли по тропинке, мимо лужайки с дурацкой статуей Дианы.

— Видишь ли, — осторожно добавила Амантис, — в наших краях, чтобы быть принятым в обществе, необязательно быть богатым. Точно так же, как у вас в Джорджии... — Она оборвала себя. — А ты не вернешься на следующий год и не откроешь новую академию?

— Нет, мэм, увольте. Твой мистер Харлан говорил, я мог бы продолжать с этой, но я ответил «нет».

— Разве ты... разве ты на ней не заработал?

— Нет, мэм. У меня достаточно своих денег, чтобы вернуться домой. Одно время дела пошли в гору, но я слишком много тратил на себя, а тут еще арендная плата, аппаратура, музыканты.

Джим не считал необходимым упомянуть, что мистер Харлан пытался всучить ему чек.

Они подошли к автомобилю в тот самый миг, когда Хьюго вбил последний гвоздь. Джим открыл кармашек на дверце и извлек оттуда бутылку без этикетки с беловато-желтой жидкостью.

— Я хотел сделать тебе подарок, — произнес он неловко, — но не успел, деньги кончились, так что, наверное, pošлю что-нибудь из Джорджии. А вот это возьми на память. Вряд ли тебе стоит это пить, но когда ты будешь в обществе, то, может, захочешь угостить кого-нибудь из молодых людей добрым старым виски.

Она взяла бутылку.

— Спасибо, Джим.

— Не за что. — Он обернулся к Хьюго. — Думаю, нам пора. Верни леди ее молоток.

— О, можешь взять его себе. — К горлу Амантис подступали слезы. — Разве ты не обещаешь вернуться?

— Когда-нибудь... может быть.

На миг его взгляд задержался на ее желтых волосах и голубых, затуманенных сном и слезами глазах. Сев в автомобиль и поставив ногу на сцепление, он полностью преобразился.

— Ну что ж, мэм, прощайте, — объявил он с подчеркнутым достоинством. — Мы отправляемся зимовать на Юг.

Взмах его соломенной шляпы был направлен в сторону Палм-Бич, Сент-Огастина, Майами. Его камердинер завел рукоятку двигателя, устроился на сиденье и заодно с автомобилем отчаянно завибрировал.

— Зимовать на Юг, — повторил Джим. Потом добавил мягко: — Ты самая красивая девушка, какую

мне доводилось видеть. Возвращайся к себе, ложись в гамак и баю-бай... баю-бай...

Его слова прозвучали чуть ли не колыбельной. Джим отвесил Амантис поклон, глубокий и величественный, объявшив этим блестящим знаком почтения целиком весь Север.

Окутавшись несообразным облаком пыли, они тронулись в путь. Амантис видела, как незадолго до ближайшего поворота они остановились, вышли из машины и стали прилаживать верхнюю ее часть к нижней. Не оглянувшись, снова сели. Поворот — и автомобиль скрылся из виду, оставив за собой только редкий бурый туман.

ДАЙМОНД ДИК

Весной 1919 года, когда Дайана Дики возвратилась из Франции, ее родители думали, что за прежние прегрешения она расплатилась полностью. Она прослужила год в Красном Кресте и, как предполагалось, заключила помолвку с молодым американским летчиком, персоной заметной и весьма привлекательной. Большого нечего было и желать; от сомнительного прошлого Дайаны не осталось ничего, кроме ее прозвища...

Даймонд Дик! — именно этим именем вздумалось назваться в десять лет тогдашней тоненькой черноглазой девочке.

— Я Даймонд Дик, и все тут, — настаивала она, — а кто будет звать меня по-другому, тот дурья башка.

— Юной барышне такое имя не к лицу, — возражала гувернантка. — Если уж хочешь имя как у мальчика, тогда почему бы не назваться Джорджем Вашингтоном?

— Потому что меня зовут Даймонд Дик, — терпеливо объясняла Дайана. — Не понятно разве? Пусть зовут меня Даймонд Дик, а не то у меня будет припадок — все тогда пожалеете.

Кончилось тем, что она добилась и припадка (настоящей истерики, которую приехал лечить недовольный специалист по нервным болезням из Нью-Йорка), и прозвища. Закрепив за собой последнее, Дайана стала трудиться над выражением лица, копируя его с мальчика — подручного мясника, который доставлял мясо к задним дверям гриничских домов. Она

СОДЕРЖАНИЕ

Кости, кастет и гитара. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	5
Даймонд Дик. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	31
Третий ларец. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	55
Аркадия Джона Джексона. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	71
Любовь в ночи. <i>Перевод С. Сухарева</i>	98
Форс Мартин-Джонс и пр-нц Уэ-ский <i>Перевод Л. Бриловой</i>	122
Целитель. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	145
Потраченный грош. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	173
«Чего нет в путеводителе». <i>Перевод С. Сухарева</i>	205
Самонадеянность. <i>Перевод С. Сухарева</i>	229
Незрелое супружество. <i>Перевод С. Сухарева</i>	267
По-твоему и по-моему. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	291
Лестница Иакова. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	317

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
НОВЫЕ МЕЛОДИИ ПЕЧАЛЬНЫХ ОРКЕСТРОВ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ирина Сологуб, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 11.08.2016. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
 www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAKB1262604R